

Добрыня и Дунай

Ездил Добрыня по чисту́ полю
И приворачивал к летным тихим за́водям,
И стрелял гусей-лебедей,
Околачивал серых малых утёнышков.
Наездилса Добрынюшка да наохвотилса,
Отъехал от тихих малых за́водей,
Выехал Добрыня во чисто́ полё,
Поехал по полю по чистому.
Завидел на́ поле черно́й шатёр,
Черно́й шатёр, да чернобархатной,
Здумал приворотить к шатру да чернобархатну.
Шатровы двери за́перты,
За́перты двери, да за́мкнуты,
Над дверями подпись подписана,
Да подрезь подрезана,
И с угрозою шатёр оставленный:
«Кто приворотит к тому шатру,
Кто отопрёт мои двери шатровыя,
И попьёт, поест, покушает,
Не уедет он от черна́ шатра,
Хоть уедет он от черна́ шатра,
Не уедет он из чиста́ поля,
Нагоню я на поле на чистое,
Под меч склоню и голову́ срублю».
Добрынино дело не выклое,
Не выклое дело, не бывалое:
«Не бывал Добрыня по чисты́м поля́м,
Не видал шатров чернобархатных,
Чернобархатных шатров да с угрозами».
А поехал Добрыня против черна шатра,
Немного проехал он и прираздумалса,
Прираздумалса Добрынюшка промеж собой:
«Я приеду нонь да в стольней Киев-град,
Зайду ко князю ко Владимиру,
У князя, можот, сидит старо́й казак,

Старо́й казак да Илья Муромец.
Он и спросит у меня, старой казак, да таково́ словó:
„Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич бла́д!
Ты уж где бывал да што слы́хал,
Што слы́хал, да кого видывал?
У меня старому сказать будет нечего.
Ви́дел только, скажу, на поле
Черно́й шатёр да со угрозой,
Не посмел отворить двери шатровые.
Што мне скажет на то старой казак?
„Полно тебе, Добрыня, ездить да во чисто полё,
Дома живи да ты с бабами,
Почищай ты у их да передници
И подтирай ты у их задници“».
Воротился то́гда Добрыня ко черно́му шатру́,
Поставил коня к дубу́ сы́рому,
Где насыпано пшена да белоярова,
Подошел Добрыня к дверям шатровым,
Сорвал замочки он заморския,
Отопрал дверí он шатровыя,
Зашел Добрыня он во черно́й шатёр.
Во шатри сто́лик стоит поставленный,
На столи кушанья всякие разныя,
Стоят графины с водкой разною.
Стал Добрыня тут кушати,
Стал водоцьки покушивать,
Наелса-напилса Добрыня досыта.
Омманула водка Добрынюшку Никитичя:
Не мог Добрыня уехать от черно́й шатра́,
Свалилса спать он во черно́м шатре́.
Долго ли спал ли, корóтко ли,
Наехал тут шатровый хозяин.
Разгоречилса на Добрыню Никитичя,
Сонно́го убить всё равно как мёртвого,
Закричал только ярым голосом:
«Кака приехал тут за невежа ж?
Сорвал мои замки весучия,
Я срублю у тебя да буйну голову!»
Будил-кли́кал его до трёх разóв.

Стал его попинывать,
Попинывать и пошевеливать.
Пробудилса Добрыня от крепкого сна,
Скочил Добрыня на резвы́ ноги,
Ушел Добрыня из черна́ шатра́.
Садилса Добрыня на добра́ коня́,
Поехал Добрыня от черна́ шатра́.
Сзади настиг хозяин его в чистом поли:
«Кака ты приехал за невежа такая,
Не спрашивашь ты ни дедины и ни вотчины, и не хозеина,
Наелса и напилса допьяна
И уехал от черна́ шатра!»
Ехали они, знашь, до Киева,
Приехали они в стольней Киев-град,
Зашли ко князю ко Владимиру.
У князя сидит старой казак,
Старой казак да Илья Муромец.
Говорит Илья да таковó слово:
«Откуда взелись да такí молоццы?»
Оба старому стали жалитьця,
Один объявляет ему жалобу,
Што приехал к его шатру, напился, наелся.
А другой отвечает таковó слово:
«Зачем ты оставляешь шатёр с угрозой?»
Говорит им на то старой казак:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад,
Али ты Дунай да сын Иванович!
Помиритесь, согласитесь вы,
Делить вам нечего:
Один оставил шатёр с угрозой,
А другой хоть попил-поел — не унёс ничего».
У князя пир идёт уж трое сутокки.

*(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина
Дмитрия Карповича, 83 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.